

Экран и сцена. — 1993. — 16-23 дек (№ 50) — с. 16

АКТРИСА, НЕ ПОХОЖАЯ НА СЕБЯ

Воспользуемся счастливой возможностью — наступающим Днем рождения — и скажем Галине Борисовне Волчек, Гале Волчек, все то, что с удовольствием сказали бы в любое время, но прибегли для этого.

Скажем, что фен, собравшиеся у ее колыбели, были добры. Одарили ее умом, талантом, обаянием, щедростью, дальновидностью, беспечностью и трезвостью.

Подарили ей или только намекнули, а она намек услышала, — призвание, для которого, толь-в-толь, как не мерке, приплыли все их дары.

Призвание, которое она угадала, которое почувствовала, потребовало от нее самоотречения, фен подарили ей и этот высокий и горький дар.

Почему мы заговорили о горечи? Вместо того, чтобы вспомнить, как ватага молодых и одаренных людей, среди которых была она, создала театр «Современник», едва ли не мгновен-

но ставший любимцем публики? И одной из самых любимых была она — актриса, а потом и режиссер, — подарившая залу счастливые минуты единения и восхищения сценой.

Эти чувства овладели нами с первого же поставленного ею спектакля «Двое на качелях», с первой же сыгранной ею роли — Нюрки-хлебозерки. Она работала талантливо, и казалось, что все дается ей легко, играючи. Но, может, так было на самом деле?

А потом на ее плечи легла непомерная ноша — Театр, и все заботы, которые сразу же, не давая ни минуты передышки, заполнили ее жизнь, жизнь главного режиссера. Она приняла эту ношу, не уклонилась от нее. И вот уже, более двадцати лет вместе со старыми своими друзьями, первыми современниками и современниками молодежи, избравшими ее, правит бал в Белом доме с колоннами, что стоит на Чистых прудах.

нельзя забыть злое кипение белков и взглядов, бросаемых из-под черной косынки, склоненную набок голову; тяжелую поступь; медленную, словно она ворочает языком булжники, речь; грузные натруженные руки этой дюжей крестьянки, способной с полной невозмутимостью и с сознанием своей священной правоты довести до самоубийства собственного внука. Волчек воплотила в Галчихе омерзительную фанатическую убежденность, не желающую, не умеющую считаться с живой жизнью, давящую ее всей своей свинцовой тяжестью во имя веры в то, какой жизни быть надлежит.

Роли эти были сыграны с бескомпромиссной откровенностью, без малейшего романтического флёра, в той или иной мере приукрашивающего или смягчающего зло. Играя злых, Галина Волчек не искала, в чем они добрые, будто вняв голосу истории страны, в котором слишком долго искали добро во зле. Она явила зло в чистом виде, в исполинской жути. В средние века, когда плохо понимали разницу между образом и исполнителем, ее сожгли бы как ведьму, и были бы кругом неправы — актриса изображала, как сказали бы атомщики, такое превышение критической массы зла, что происходило его самоуничтожение.

Но и в таких персонажах, как Галчиха, бросалась в глаза их опромная сила.

Другие роли Галины Волчек показали, что с силой ее художнической ненависти может поспорить только раскрываемая в ее героинях сила любви.

Она сообщила трагическое звучание игре актрисы в «Балладе о невеселом кабачке» Эдварда Олби. История великанши, сошедшей с карликом, стала для Волчек историей великой, хотя и деформированной бытом глухой провинции души. У Амелии Ивенс грация слона в посудной лавке, ибо она — Гулливер в стране лиллипутов. Слишком земная для всяких там грез и фантазий, она наделена мощнейшей — слишком мощной — тягой к полноте жизни и счастья. В неотесанной, неуклюжей мисс Амелии, отмеченной какой-то грубой меткой, как братец Лаймон — горбом, таятся слишком большие залежи доброты — в ней всего слишком много, чтобы она могла быть как все.

И когда она обрушивает на братца Лаймона безмерную материнскую нежность и никем не разгаданную женственность, начинает казаться, что ей все нипочем — она массирует горб братца, стряпает,

копает, и кабачок становится самым бойким местом, где все пробуждается от сонной провинциальной одури. Сюда приходят не для того, чтобы напиться, — чтобы освободиться от тоски и скуки, чтобы изжить одиночество.

Но, брошенная пригнетым ею душевно изломанным братцем, она с яростью рвет все связующие ее с людьми нити, отбавивая опешивших посетителей, хриплым, глухим голосом бросая им в лицо: «Пять центов за бутылку, а доллар за то, что на меня посмотришь. Доллар за то, чтоб посмотреть на чудиче!»

И когда в финале под песнь каторжников она словно превращается в каменного истукана, сев у закрытого, разоренного кабачка, в котором погребет себя заживо, понимаешь: роль эта — о мучительной недоговоренности между людьми, о вынужденной их отчужденности, о жизни, которая не по мерке и теснит, как пыточный сапог, о силе, поверженной ничтожеством и слабостью.

С Амелией Ивенс странно перекликается вызывающая гомерический хохот и неожиданное сочувствие Мать в «Назначении» Александра Володина. Жена вышедшего в тираж номенклатурного работника, начисто лишенного слуха и служившего большим начальником по музыкальной части, привыкшая быть патронессой известнейших исполнителей и композиторов, она теперь, что рыба на мели. Советская гранд-дама быстро выродилась в непричесанную рыжеволосую, как клоун, распустеху, вечно ходящую в шлепанцах и в халате с кистями, вечно изводящую своего мужа и могущую всех довести до белого каления тем, что встречает всегда, когда не надо, и все говорит невпопад и некстати. Но и в этой отставной командирше живет чувство затаенного одиночества.

И когда оно прорывается наружу, в фарсовой героине Волчек обнаруживается щемящая драматическая нота. «Я знаю, я стала ужасная... А когда-то я была веселая девушка, я вообще легкий человек в общении, со мной все уживаются. Я участвовала в самодеятельности, я умела делать фокусы!» Она хочет развеселить всех и воскресить свое былое веселье, но комок подкатывает к горлу, когда перед делающей потешные пассы руками Матерью, за несколько мгновений проходит вся ее обернувшаяся нелепидцей, ставшая никому ненужной жизнь.

Тема потешной и горькой игры, быстро и ярко мелькнувшая в этом эпизоде, становится главной в одной из великих ролей, созданных драматургией XX века — в роли Марты в «Кто боится Вирджинии Вулф?» Эдварда Олби.

Не зря первые слова Марты — цитата из фильма: героиня Волчек все время из себя кого-то выделяет, откровенно чем-то прикидывается: то кинозвездой, то светской и своей хозяйкой гостеприимного дома, то бой-бабой, домашней тиранкой, вздорной скандалисткой, грубо поносящей мужем Джорджем, то секс-бомбой, пожирающей мужчин в соку. Она властно, как пристало ректорской дочке в университетском городке, распоряжается всеми, вызывающе хмелеет, утаскивая перед носом Джорджа молодого гостя в свою спальню, куражится безудержно и беспардонно. Но, странное дело, чем сильнее этот пьяный кураж, чем откровеннее озорной бес игры превращается в злого, беспощадного духа надругательства, тем неминусее крепнет в нас чувство, что Марта непрерывно меняет обличья, потому что готова быть кем угодно, лишь не сама собой.

Прямо посмотреть на себя, трезво понять, что лучшие надежды рухнули, что жажда материнства не будет утоленной, невыносимо. И когда обрывается устроенный бойкой Мартой крикливый и непристойный карнавал, когда в сущности падают все маски, в наступившей томительной тишине ее онемевшее лицо начинает казаться еще одной личиной — трагической личиной, навсегда обожженной загнанным внутри страданием.

В этой, пока, к сожалению, последней театральной роли, не часто выходящей на подмостки Галины Волчек, она вновь показала, что такое неповторимая всамделишность и правда полнокровного характера.

Из заветов Станиславского ей близко не «я в предлагаемых обстоятельствах», а интерес «художественников», да и вообще великой русской культуры, к «не я», к другому. Она никогда не занималась прямолинейным самовыражением, зато придавала невероятную выразительность чужим судьбам.

Они крайне интересны сами по себе, она же сама по себе необычайно интересна — на каждой творческой встрече или просто в беседе, в каждом появлении на телеэкране.

В любых таких встречах интеллигентная и элегантная, уверенная в своих продуманных суждениях и все же чуть застенчивая, так и не нажившая матерого апломба, Галина Борисовна предельно обаятельна и искренна; в своих же ролях она предельно опосредованна.

Есть много актрис лиричнее ее, она редко бывает на сцене лиричной, но я не знаю другой актрисы такой эпической мощи, создавшей героинь, которые как классические образы живут своей самостоятельной жизнью и все же носят печать ее редкого дара.

Видас СИЛЮНАС.

Главный редактор А. А. АВДЕЕНКО